

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

Кафедра логики

**Средний комментарий Аверроэса к
«Категориям» Аристотеля**

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра
Хамидова Алишера Асламовича

Рецензент:
к.ф.н. **Гончарко О.Ю.**

Научный руководитель
д.ф.н., проф. **Слинин Я. А.**

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Комментаторская традиция	7
1. Путешествие древних рукописей	7
2. Распространение аристотелевских идей в мире ислама	9
3. Судьба Ибн Рушда	10
Глава II. Анализ первой части комментария.....	13
1. Введение к комментарию	13
2. Вопрос об организации текста «Категорий».....	14
3. Омонимы, синонимы, паронимы.....	17
4. Говорящееся в связи, говорящееся без связи.....	22
5. Сказываемое о подлежащем и находящееся в подлежащем	25
6. Видовые отличия.....	28
Глава III. Анализ второй части комментария.....	30
1. Категория сущности.....	30
Глава IV. Анализ третьей части комментария	33
1. Четыре вида противоземания	33
2. Отношение противоположности, утверждение и отрицание	35
Заключение	41
Список использованной литературы.....	41

Введение

Актуальность темы. На русском языке была проделана огромная работа по исследованию текстов Аристотеля и его комментаторов, но она едва ли она может быть сравнима с объемом исследований, выполненных на английском языке. Изучение комментаторской традиции, по всей видимости, пользуется меньшей популярностью в нашей стране. Однако в мире такие работы распространены, так как для анализа комментариев там имеется богатая почва. Регулярно появляются новые статьи посвященные изучению различных трактовок отношений между суждениями у арабских и комментаторов, разворачиваются споры по поводу понятия existential import.

Степень разработанности проблемы. Что касается текстов Ибн Рушда, в советское время был создан качественный перевод «Опровержения опровержения», а также написан ряд небольших исследований по логической проблематике в исламской философии. Можно привести в пример известного историка логики Н. И. Стяжкина, который писал такого рода работы. И все же, исследований, посвященных именно Ибн Рушду (его логике, онтологии), произведено не было. Большая часть работ, касающихся его творчества, носила обзорный характер и опиралась не на источники, а на вторичную литературу. В мировом научном сообществе имеется большое количество сравнительных работ, посвященных Ибн Рушду и Ибн Сине, Ибну Рушду и Аристотелю, так же имеются некоторые работы и по самой логике Ибн Рушда.

В отечественной научной литературе исследованиям в данной области посвящены работы: Тоноян Л.Г., Стяжкина Н.И., Слина Я.А., Зубова В.П., Лисанюк Е.Н.. Особое внимание при выполнении работы уделяется разработкам таких авторов как: Александру Сурду, Маджих Фахри, Питер Сеурен.

Действительно, многих интересует, сообщается ли в рассматриваемой нами работе Аверроэса что-нибудь новое по отношению к Аристотелю? Этот вопрос возникает каждый раз, когда речь идет о комментариях. Сама постановка такого вопроса как бы говорит нам, что нет причин иметь дело со вторичным источником по отношению к оригинальному тексту, если в нем не содержится новой интерпретации. Но в целях подлинного философствования мы должны удержаться от такого настроения и от таких вопросов. Новизна только недавно стала критерием для оценки значимости вклада в общечеловеческое познание. Мера погружения в озарения выдающихся благодаря своей мудрости мыслителей прошлого и способность переложить их более доступным языком перестали цениться настолько, насколько, как считается, изменилась сама истина. И несмотря на то, что такая позиция стала общепринятой, она находится далеко от того, чтобы быть самоочевидной или обоснованной.

И все же, несмотря на то, что ответ на этот вопрос удовлетворяет требованиям названной позиции, мы не можем уклониться от такого вопроса. Уникальность комментариев Ибн Рушда, в особенности если сравнивать его с аль-Фараби или Ибн Синой, заключается в том, что они не являются инновационными. Напротив, он дистанцируется от непосредственных предшественников, когда пишет комментарии, отличающиеся своей преданностью мысли Аристотеля. В этом он оказался по-настоящему самобытен. Когда обстоятельства побудили его взяться за комментаторскую работу, он обрел подлинную индивидуальность. А произошло это по той причине, что альмохадский султан, правитель Андалузии и Северной Африки, Юсуф был убежден в том, что ранние арабские авторы давали текстам Аристотеля неадекватное объяснение, а их переводы были слишком путаны. Он и предложил Ибн Рушду разъяснить тексты в подобающей им последовательности.

Но кто же этот человек, которого на протяжении всего средневековья величали Комментатором с большой буквы? Почему это имя закрепилось за ним, а не за кем-то другим, ведь за более чем двухтысячелетнюю историю на эту роль было достаточно кандидатов? Исследователь аристотелизма Аллан Бэк в своей статье «Avicenna the Commentator¹» доказывает, что Авиценна, а не Аверроэс по праву заслуживает титул Комментатор, это значит, что нам совсем не очевидно, почему именно Аверроэс получил свой славный титул. Вероятно, это не было результатом случайного означивания.

Объектом исследования настоящей работы является «Средний комментарий к «Категориям» Аристотеля».

Предметом выступают конкретные стратегии Аверроэса по интерпретации логических и онтологических проблем, обозначенных Аристотелем в «Категориях».

Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть логическую семантику, представленную Аверроэсом в «Среднем комментарии к «Категориям»», в ее связи с онтологическими основаниями.

Чтобы успешно достигнуть поставленной цели, нам предстоит выполнить ряд задач.

Во-первых, кратко рассмотреть историко-философские предпосылки Аверроэса.

Во-вторых, провести анализ структуры комментария; сопоставить его с текстом самих «Категорий».

В-третьих, разобрать фрагменты, которые имплицитно или эксплицитно говорят об условиях истинности и семантике вообще; разобрать онтологические положения в их связи с построением логики.

---

¹ *Allan Bäck Avicenna the Commentator*

Структура работы. В первой главе мы делаем краткий обзор многовековой истории аристотелизма. А так же приводим биографию Ибн Рушда.

Вторая глава посвящена анализу текста, его структуры, а также изучению проблематики первой части «Категорий».

В третьей главе исследуется онтология, которую излагает во второй части комментария. Наибольшее внимание уделено понятию сущности, и различным способам классификации сущего.

Четвертая глава посвящена последней четырехчастной классификации, приводимой Ибн Рушдом, исследуются разные виды противоположения. В ней мы даем анализ логической семантике, представленной в трактате.

Глава I. Комментаторская традиция

1. Путешествие древних рукописей

Правильно истолковать Аверроэса невозможно без установления его историко-философского положения. Также затруднительно выяснить задачи, которые стояли перед мыслителем без исторического введения. Поэтому, прежде всего, наше исследование будет касаться контекста, позволившего реализоваться мысли философа. Таким контекстом является развитие аристотелизма и греческой философии вообще.

Также следует затронуть, пусть и в самых общих чертах, ряд теологических проблем, которые часто выступали поводом для разработки логической терминологии. В Средние века изучение логики почти всегда было сопряжено с задачей «защиты веры» и ведением религиозной полемики. В дальнейшем мы еще остановимся на этом вопросе.

Кратко проследим раннюю историю корпуса сочинений Аристотеля. Она похожа на детектив со множеством эпизодических персонажей, вроде того, что описывает Умберто Эко в своем первом романе. В ней так много имен и событий, что сложно удержать в памяти все известные на данный момент сведения. Она, как положено настоящему детективу, начинается со смерти.

После смерти Аристотеля по завещанию, которое сохранено Диогеном Лаэртским, все книги и рукописи философа переходят к **Феофрасту**, который был его другом и учеником. Феофраст также становится первым официальным сcholархом аристотелевского Ликея. Как ни странно, школа получила юридическое основание лишь после смерти Аристотеля, как отмечает известный исследователь В. П. Зубов. Феофраст руководил Ликеем в течение 38 лет – с 323 по 286 г.² В свою очередь, он завещал всю свою

---

² Зубов В. П. Аристотель Человек. Наука. Судьба наследия С.63

библиотеку **Нелею**, сыну Кориска, который также являлся одним из слушателей Аристотеля, однако он не стал схолархом.

Дальнейшее развитие истории имеет две версии. По первой, Нелей продал рукописи в библиотеку Александрии в правление Птолемея Филадельфа (286-245гг. до н.э.)³. По второй – он перевез библиотеку Феофраста в Скепсис, где она перешла к его наследникам, которые, будучи заурядными людьми, не заботились о сохранности книг и держали их в неподобающим образом – «под замком» и «небрежно», как об этом пишет Страбон (ум. ок. 23 н.э.) в своей «Географии». Он продолжает: «Когда же они услышали о том, с каким рвением атлийские цари, под властью которых тогда находился город, разыскивали книги для устройства библиотеки в Пергаме, они спрятали книги под землей в какой-то яме»⁴. Через многие годы потомки наследников Нелея продали рукописи, подпорченные сыростью и червями, **Апелликону из Теоса**, который был скорее собирателем старины, нежели ученым.

Также Страбон делает важный вывод о том, что у древних перипатетиков после Феофраста не было книг, и по этой причине они были вынуждены довольствоваться лишь изложением общих мест. С этим утверждением сложно согласиться. Более правдоподобной представляется версия, что Феофраст передал лишь часть школьных книг Нелею.

Как бы то ни было, книги, оказавшиеся в библиотеке Апелликона в 86 году до н.э., были получены Луцием Корнелием Суллой при захвате Афин, и в скором времени они уже были перевезены в Рим, где оказались в руках грамматика **Тиранниона**. Он обработал тексты, которые были на тот момент уже откорректированы неумелой рукой Апелликона, и сделал с них списки. Страбон говорит по этому поводу, что Тираннион поручил дело недобросовестным переписчикам, которые не сличали рукописи. Тогда, по

---

³ *Тоноян Л. Г.* Логика и теология Боэция С.37

⁴ *Страбон* География С.609

всей видимости, в тексты закралось множество неточностей. От Тиранниона списки перешли к **Андронику Родосскому**, который «обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне»⁵.

Итак, несмотря на то, что у нас сохранилось мало источников по данному вопросу, мы можем судить, что два века после смерти Аристотеля его тексты оставались почти недоступными для философов, пока в I в. до н.э. они не начали активно издаваться. В 90-е годы библиофил и коллекционер Апелликон из Теоса издал ряд копий сочинений (Страбон XIII, 1, 54); похоже, что в 60-е годы Тираннион из Амасии, грамматик и учитель Страбона, а также почитатель Аристотеля (*philaristotelês*), издал ряд текстов Философа без критических исправлений, но «приведя их в порядок» (Страбон, XIII, 1, 54; Плутарх, Сулла, 26). Издательская работа, проделанная Андроником Родосским, превзошла все предыдущие. Это было первое надежное издание Аристотеля, которое снискало себе огромное уважение в постэллинистическом возвращении к Аристотелю.

2. Распространение аристотелевских идей в мире ислама

Усвоение идей Аристотеля в мусульманских странах носило специфический характер. Аристотелева терминология на востоке не была монополизирована церковью, она оставалась скорее достоянием вольнодумцев и ученых, чем церковных деятелей. Это давало возможность таким философам, как Ибн Сина и аль-Фараби, свободно утверждать безначальность мира. Также специфической чертой арабской учености того времени стало то, что изучение Аристотеля было тесно связано с изучением наук: астрономии, медицины и математики.

Арабы усвоили платонизм именно в его позднеантичной модификации. В неоплатоническом духе воспринимал учение Аристотеля и аль-Кинди, который стал первым значительным приверженцем идей Философа.

---

⁵ Плутарх Сравнительные жизнеописания. Сулла, 26

3. Судьба Ибн Рушда

Абу-аль-Валид Мухаммед Ибн Ахмад Ибн Рушд родился в Кордове в 1126 году в семье уважаемых юристов и общественных деятелей. Его дед был великим кадием Кордовы (кадий – шариатский судья, выносящий решение на основе самостоятельного истолкования Корана и Сунны), затем эту должность занял и его отец.

Образование Ибн Рушда проходило согласно существовавшим традициям: оно включало изучение хадисов, языкознание, юриспруденцию и теологию⁶. Ранние биографы и хроникеры сообщают очень мало о его образовании в науке и философии, на которых позднее будут сосредоточены интересы западной схоластики, но отмечают его расположение к юриспруденции. Считается, что на Ибн Рушда оказал большое влияние Ибн Баджа (Avenpace), который, возможно, являлся его преподавателем. Медицинское же образование Аверроэс получил под руководством Абу Джафара Ибн Харуна из Трухильо. Способности Ибн Рушда к медицине были отмечены современниками. Эти способности реализовались в книге «Коллигет» (Общая медицина). Эта работа вместе с «Книгой упрощения, относительно лечения и диеты» (Particularities) Ибн Зухра стали главными учебниками для врачей в еврейском, христианском и мусульманском мирах на века вперед.

В некоторых работах Ибн Рушда встречается дата – 1153 год⁷, когда он находился в Марокко, очевидно, по заданию Абд аль-Мумина в связи с проектом создания там учебных заведений по образцу тех, что были в Андалузии. во время этой поездки Ибн Рушд наблюдал звезду Канопус и проверял по ней шарообразность Земли и ее относительную величину.

---

⁶ *Аверроэс* Опровержение опровержения С.597

⁷ *Majid Fakhry* Averroes. His Life, Works and Influence С.4

Известна также приблизительная дата – вторая половина 1168 года или первая половина 1169 года – знакомства Ибн Рушда с халифом Абу-Якубом.

Ярким свидетельством двойственного положения философов в то время служит эпизод из жизни Ибн Туфейля, ставший поворотным пунктом в биографии Ибн Рушда. Пользуясь близостью к Абу-Якубу Юсуфу, философ Ибн Туфейль добился приглашения ко двору своего талантливому другу. Когда Ибн Рушд предстал перед этим просвещенным халифом, тот спросил его: «Как с точки зрения философов – извечно небо или имеет начало во времени?». Ибн Рушд впоследствии вспоминал: «Тут я оторопел от смущения и страха, стал отговариваться и отрицать, что занимаюсь философской наукой. Я не знал еще, что замыслил с ним Ибн Туфейль. Поняв мою робость и смущение, повелитель правоверных обратился к Ибн Туфейлю и завел с ним разговор по поводу заданного мне вопроса. Он вспомнил, что говорили об этом Аристотель, Платон и другие философы, а также привел контраргументы поборников ислама, и я увидел в нем такую эрудированность, какую не мог бы предположить ни у одного из тех, кто занимается данным предметом, целиком посвящая ему свое время. Он продолжал снимать с меня скованность до тех пор, пока я наконец не заговорил. И он узнал, что у меня было насчет всего этого в уме, а когда я удалился, повелел выдать мне денег, великолепную почетную одежду и коня»⁸.

В 1171 году Ибн Рушд возвращается в Кордову, где вскоре занимает наследственную должность великого кадия. Государственная служба, несмотря на свои положительные стороны, отнимает много времени и отвлекает от осуществления научных замыслов. В одном из своих трудов философ жалуется, что мог допустить ошибки, поскольку был занят неотложными делами и не имел под рукой нужных источников, оставшихся в

---

⁸ *Аверроэс* Опровержение опровержения – С.599

его кордовском дом. В другом сочинении он, сравнивая себя с погорельцем, который выхватывает из огня лишь самые необходимые пожитки, сетует на то, что недостаток времени вынудил его ограничиться наиболее важными вопросами.

В 1182 году Ибн Рушд замещает Ибн Туфейля на должности лейб-медика халифа. После смерти Абу-Якуба в 1184 году, халифский престол переходит к его сыну Абу-Юсуфу Якубу. У нового правителя Ибн Рушд был в не меньшем фаворе, чем у прежнего. Но к 1195 году их отношения настолько ухудшаются (причины их разногласий доподлинно неизвестны), что Абу-Юсуф велит сжечь сочинения Ибн Рушда, а самого философа сослать в местечко аль-Ясана, близ Кордовы.

Позднее философа возвращают ко двору, но тяжелое время опалы отражается на его здоровье. 10 декабря 1198 году он умирает в Марокко, останки великого философа были перенесены в Кордову.

Глава II. Анализ первой части комментария

1. Введение к комментарию

«Известнейший юрист и искусный ученый Абу аль-Валид ибн Рушд, да будет доволен им Аллах, сказал: цель этого обсуждения – откомментировать мысли, содержащиеся в книге по искусству логики Аристотеля и изучить их, в той степени, в которой это возможно, так же, как мы это делали с другими его книгами. Мы начнем с «Категорий» – первой его книги по этому искусству»⁹, – так начинается Средний комментарий к «Категориям» Аверроэса. Ибн Рушд не упоминает «Введение» Порфирия, хотя позднее он напишет к нему средний комментарий. «Категории» здесь, без сомнения, обозначены как работа, с которой следует начинать изучение логики Аристотеля.

Короткое введение написано от третьего лица – оно напоминает аннотацию к какой-нибудь современной статье. Автор явно выразил цель сочинения. Стоит отметить, что постановка цели была давно тематизирована аристотеликами. Например, Давид Непобедимый пишет, что необходимо исследовать цель, потому что «она в сжатом виде содержит в себе все положения рассматриваемых произведений»¹⁰. Также, пишет он, следует называть сочинения в соответствии с теми целями, которые в них ставятся. Другой известнейший философ аль-Фараби утверждает, что для того чтобы успешно заниматься философией, необходимо знать цели каждой из книг Аристотеля¹¹. Разумеется, что при таком скрупулёзном прочтении сочинений Аристотеля, они не могли избежать такого же внимательного отношения и к композиции своих собственных текстов.

---

⁹ *Averroes Middle Commentaries on Aristotle's Categories and De Interpretatione. C.19 (Здесь и далее в моем переводе)*

¹⁰ *Давид Анахт Сочинения С. 103*

¹¹ *Аль-Фараби Философские трактаты С. 443*

При всем этом необходимо сказать, что сам текст «Категорий» не содержит ближайшей цели сочинения: Аристотель сразу принимается за выяснения значений омонимов, синонимов и паронимов. Этот факт справедливо вызывал вопросы у комментаторов. Профессор М. И. Касторский, один из первых, кто занимался переводом «Категорий» на русский язык, пишет следующее: «Всегда казалось несколько странным, что великий философ, в таком сочинении, которое занимается столь существенными определениями сущего, каковы есть высшие категории, не определяет ни объема его, ни цели: он нигде не вывел их, как сказано, в последовательности и необходимости их».

Но вернемся к предмету нашего исследования. Далее во введении Ибн Рушд утверждает, что трактат «Категории» делится на три части. Первая часть, по его утверждению, представляет собой принципы для дальнейшего исследования, эти начала письменно изложены в виде определений. Во второй части речь идет о десяти категориях, где они изложены одна за другой, и где приводятся соответствующие каждой из них описания. В третьей части говорится о правилах и атрибутах общих для всех категорий или для большей их части.

2. Вопрос об организации текста «Категорий»

Как мы говорили выше, существует ряд проблем, к которым аристотелики относились с особой щепетильностью. Одна из таких проблем – это проблема правильной последовательности изложения. Ясно также, что эта проблема создается текстами самого Аристотеля. Вспомним для примера самую первую главу «Физики».

Как легко можно заметить, Аверроэс придал своему комментарию достаточно сложную структуру. Вводная часть содержит вопросы, которые обсуждаются в первых четырех главах текста Аристотеля (в том виде, в котором он до нас дошел). Вторая часть разбирает материал 5-9 глав

Аристотеля. Ну а в третьей части Ибн Рушд занимается разбором последних шести глав «Категорий», которые в позднейшей комментаторской традиции называются *postpraedicamenta*. (Первые три главы часто называются протеорией или *pre-praedicamenta*, а средняя часть трактата называется теорией или *praedicamenta*).

Аверроэс предельно тщателен в том, как он делит исследование на части. Так **первая часть** поделена на главы, **вторая часть** – на секции, которые, в свою очередь, уже поделены на главы, **третья часть** тоже поделена на секции, которые также называются дискуссиями, и затем на главы. За исключением первой части главы комментария не соответствуют тем главам, на которые поделен текст Аристотеля. Многие из этих глав являются очень короткими. Так, только первые пять глав комментария грубо соответствуют главам Аристотеля, в то время, как сорок две главы второй части и пятнадцать глав третьей далеко превосходят количеством деление, присутствующее в тексте Аристотеля. Хотя необходимо отметить, что секции, на которые поделены вторая и третья части комментария, очень хорошо соответствуют главам самих «Категорий».

Пожалуй, стоит обращать на эти внешние по отношению к тексту вопросы внимание, ведь мы находимся в едва ли лучшем положении, чем Аверроэс. Пусть у нас есть доступ к греческому тексту, который, может быть, был полностью идентичен арабской версии, которая была у Аверроэса, Чарльз Баттерворс, переводчик Аверроэса, пишет¹², что у Ибн Рушда был доступ к комментариям, составленным его предшественниками из Александрийской школы, которые являются для нас утраченными. И никто не знает, кому мы обязаны тем делением, которое присутствует в современной версии текста.

---

¹² *Averroes Middle Commentaries on Aristotle's C.7*

Такое разделение текста комментария либо было собственной инициативой «Комментатора», заданной его глубоким пониманием текста, либо было заимствовано им из предшествующей традиции, например, от вышеупомянутых александрийцев. Как бы то ни было, Аверроэс манифестирует такую структуру во введении и в каждом первом параграфе каждой из частей.

Комментарии Аверроэса получили большое хождение в средневековой Европе. «В частности, в Париж они попали уже в 1230 г., оказав большое влияние на структуру оригинальных европейских интерпретаций трудов Стагирита»¹³.

Добавим, что в каждом из мест, где организация текста «Категорий» у Аверроэса отличается от дошедшей до нас, она выглядит более обоснованной, чем современная версия. Так, когда он делит главу третью, которая в нашем издании называется «Род как сказуемое. Видовые отличия», на две свои главы, он разделяет то, что должно быть разделено. В случаях же, когда он объединяет главы, похоже, что он схватывает скрытую мысль самого Аристотеля.

Обратим наше внимание на еще одну особенность текста. Переводчик Чарльз Баттерворс указывает на повсеместное использование Ибн Рушдом выражения *qal*, что переводится как: «он сказал», имеется в виду, что он это Аристотель. Оказывается, что эту конструкцию Ибн Рушд употребляет исключительно в средних комментариях.

---

¹³ *Стяжкин* Формирование математической логики С. 107

3. Омонимы, синонимы, паронимы

В начале первой части находится небольшое резюме того, о чем будет идти речь, оно не носит статуса главы, но нем даны сводки по каждой главе, где описывается, что именно Аристотель делает в каждой части «Категорий». В первой главе Ибн Рушд занимается истолкованием первой главы Аристотеля.

Первая глава «Категорий» имеет большое значение, она является истоком для целого ряда проблем, занимавших умы уже два тысячелетия. Средневековая дискуссия о статусе общих понятий, да и сама теория понятия, имеют начало в небольшом фрагменте текста, который можно было бы уместить и на одной странице.

Аристотель в первой главе говорит об омонимах, синонимах, паронимах. Это описания объектов, которые имеют отношение к **имени (onoma)**, **понятию (logos)**, соответствующему (относящемуся к) этому имени (**kata tounoma**)¹⁴. Сам термин «логос» подразумевает собой нечто больше, чем передает современное слово «понятие». Хотя, если учитывать контекст тракта, то, что *логос* является чем-то простым, какой-то простой мыслью, не содержащей в себе связывания и не являющейся ни истинной и ни ложной, становится ясно, что – он должен совпадать по своему смыслу с понятием. Также следует обратить внимание на то, что слово *логос* в синтагме «*logos tes ousias*», переводящейся как *логос (слово) сущности*, Аристотель обычно использует в смысле понятия, сама же синтагма у него соответствует определению сущности (*definitio substantiae*). Однако комментаторы отмечают, что определение Аристотель именовал отдельным словом *horismos*. Совпадает ли *logos tes ousias* с *horismos*, или нет, мы можем утверждать, что *слово сущности* отсылает к тому, *что* вещь есть, т.е. к сущности, в то время как имя (*onoma*) лишь называет вещь.

---

¹⁴ Alexandru Surdu Interpretation of the first two chapters from Aristotle's *Categoriae*

Александру Сурду, современный исследователь аристотелизма, вводит разграничение *logos-onoma*, мы находим его очень удобным и потому будем использовать. *Onoma* переводится нами как имя, *logos* – как понятие, хотя эти и не полностью адекватный перевод. Имя существует, как говорится в первой главе «Об истолковании», *in voco*. В то время как простая мысль(*ноета*)существует *in mente*. Благодаря такому разделению Аристотель и может провести *разграничение между именем и понятием*, которое обозначается этим именем.

Стоит также указать на то, что если рассмотреть, как Аристотель понимает *дефиницию* в первой части «Категорий», то окажется, что она окажется *ближайшим родом*. Обычно же дефиниция представляет собой ближайший род и видовое отличие.

Располагая таким предварительным рассуждением, мы готовы разобрать те значения, которые Аристотель давал омонимам, синонимам и паронимам, после чего мы рассмотрим, что было сделано Ибн Рушдом.

Две индивидуальные вещи, дефиниции, которых отличаются, т.е. у которых разные ближайшие роды, могут иметь одно и то же имя. Аристотель отмечает, что имя «живое существо» (*to einai zoo*) используется по отношению к человеку и к нарисованному человеку, хотя их сущности различаются, а так как сущность выражается в определении, то и определения у них разные. Получается, что одна вещь носит имя живого существа по праву, ведь человеку подходят и имя (*онота*) «живое существо», и соответствующее этому имени определение. Другая вещь является лишь изображением живого существа, значит имя «живое существо» является подходящим, но вот определение живого существа, связанное с именем «живое существо», не сказывается об изображении. Эти две вещи, описанием которых мы занимались, называются Аристотелем

омонимами¹⁵. Синонимы же – это те две вещи, у которых и имя и определение совпадают.

Паронимами называются вещи, чьи имена произведены от имени другой вещи при помощи изменения окончания, поэтому в латинизированной версии перевода их и называют деривативными. В случае с паронимами не идет речи об определениях вещей, здесь мы остаемся на уровне имени. Причем, в отличие от синонимов и омонимов, у паронимов разные имена, точнее говоря, они отличаются, как было сказано ранее, флексиями.

Важным отличием омонимов, синонимов и паронимов у Аристотеля от их современных аналогов является то, что они не являются типами слов. Это значит, что современное языкознание говорит, что синонимы – это слова, в то время как Аристотель пишет, что это сущие вещи. Т.е. омонимы, синонимы и паронимы имеют онтический смысл, поскольку являются понятиями, обозначающими вещи. Легче всего понять смысл сказанного можно, если прибегнуть к использованию примеров. Современное понимание омонима выражено в таком суждении: ««Горн», означающий кузнечный инструмент, и «горн», обозначающий музыкальный инструмент, являются омонимами». Аристотелево понимание будет схвачено в следующем высказывании: «Горн, который используют в кузнице, и горн, в который трубят, являются омонимами». В первом высказывании имена – это имена слов, во втором случае, имена – имена предметов. Похожее различие можно встретить у Бертрانا Рассела, когда он отделяет предметный язык от метаязыка. Высказывание «Идет дождь» относится к предметному языку; высказывание «Предложение «Идет дождь» ложно»¹⁶ относится к метаязыку.

---

¹⁵ Аристотель Категории 1а

¹⁶ Бертран Рассел Человеческое познание, его сферы и границы. Логические слова и ложь.

После того, как мы рассмотрели сказанное Аристотелем, вернемся к комментарию самого Ибн Рушда. Он пишет следующее: «Вещи, имеющие омонимичные имена, – это вещи у которых нет ничего общего и разделяемого ими, кроме разве что самого имени». Далее он поясняет, что это ситуация, когда определение одной вещи, которое позволяет понять ее сущность, отличается от определения другой вещи, причем они обозначены одним и тем же именем. В качестве примера он приводит следующее: «Имя «живое существо» говорится о нарисованном человеке и о разумном человеке». Далее он говорит, что у картинки и у человека нет ничего общего в определении, но при этом слово человек употребляется по отношению к обоим.

В следующем параграфе он разбирает синонимичные имена, и пишет о них следующее: «Вещи, имеющие синонимичные имена, это вещи, которые обладают в точности одним и тем же именем и разделяют его, и чье определение, поясняющее их сущность, тоже в точности совпадает». Для примера он приводит такое предложение: «Имя «живое существо» говорится и о человеке и о коне». Аверроэс пишет, что это имя, общее для них, обозначает одну единственную сущность, а именно, «питающееся, чувствующее тело», т.е. определение «живого существа».

Далее, Ибн Рушд разбирает деривативные имена. Деривативные имена получают вещи по имени той идеи (ism ma`na), которая содержится в этих вещах. Например, когда кого-то называют «красноречивым», это слово происходит от имени «красноречие», а «мужественный» происходит от «мужества». Также Ибн Рушд отмечает, что у деривативных имен окончание отличается от имени идеи от которого они произошли.

Самое интересное, что пароним – это термин другого уровня, отличаются от синонимов и омонимов. Вещь является паронимом, если ее имя в каком-то смысле деривативно, т.е. производно, но деривативность

здесь совсем не этимологическая. Аристотель и Ибн Рушд не считают, что имя «мужественный» было открыто после имени «мужество». Они скорее считают, что «мужественный» - это тот «кто обладает мужеством»; мужественный называется так из мужества, которым он обладает. Получается, чтобы имя X было паронимом, требуется соблюдение двух условий: 1. X должно называться так из-за того качества (особенности), которое у него есть, или которой он иногда обладает; 2. «X» совпадает с названием этого качества за исключением окончания.

Паронимы используются, когда мы приписываем сущности какую-то вещь, которая сама не является сущностью. Т.е. субъект высказывания - сущность, а предикат – другая категория. Например, мы не говорим: «Зейд является белизной», но говорим: «Зейд белый». Ибн Рушд возвращается к обсуждению паронимов в третьей главе второй секции второй части, это очень интересное рассуждение проливает свет на роль паронимов в системе категорий. Он пишет следующее: «Имя «человек» применяется к названному Зейду, также как и его определение, так что мы говорим о Зейде, что он человек и говорим о нем, что он разумное животное, что и является определением человека. То, что находится в подлежащем, а именно акциденция, по большей части представляет подлежащее, но не его имя и не его определение»¹⁷. Так имя «белый» является именем некоего тела, но не поскольку он человек или Зейд, но поскольку в этом теле присутствует такая акциденция, как белизна.

Мы видим, что Аверроэс тоже использует понятия омонимии, синонимии, паронимии онтически как и сам Аристотель. Причем, если синонимы, омонимы калькируются с текста «Категорий», то определение паронимов отличается от Аристотелева текста, дошедшего до нас. Ибн Рушд добавляет, что имя, деривативами которого являются паронимы, это имя

---

¹⁷ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.35

идеи. Эта идея содержится также и в вещи, которая обозначается деривативным именем. Т.е. например идея мужества, содержится в конкретном мужественном существе.

Ранее Ибн Рушд сказал, что в первой части в форме определений будут изложены начала. Мы можем сказать, что изложенное здесь исключительно важно не только по отношению к дальнейшему содержанию трактата, но и по отношению ко всему корпусу Аристотеля. Ибн Рушд и Аристотель, используя синонимы и омонимы, не только устанавливают значения слов, но дают им место во взаимном подчинении понятий¹⁸.

Метод исследования Стагирита основан на этих принципах. Любопытный анализ дает нам Давид Непобедимый. Он пишет, что Философ при исследовании, во-первых, определяет, сколько значений имеет одно наименование, во-вторых, указывает о каком из значений идет речь, в-третьих, описывает или определяет то, о чем идет речь. Давид уточняет сказанное на старинном примере слова «пес», напомним, что в античности так называли как морского льва, так и созвездие Гончих псов, а также обыкновенную собаку. Так, в случае с псом, во-первых, говорится, что слово пес обозначает морскую, звездную, земную собак. Во-вторых, что исследование будет касаться, например, земной собаки. В-третьих, дается описание того, о чем пойдет речь, например, говорится, что это животное четвероногое и лающее¹⁹.

4. Говорящееся в связи, говорящееся без связи

Далее в самом конце первой главы разбирается небольшой фрагмент текста, который посвящен тому, что *говорится в связи и без связи*. В

---

¹⁸ Аристотель Категории на греческом и русском языке С.3

¹⁹ Давид Анахт Сочинения С.34

современном тексте «Категорий» с этой проблемы начинивается вторая глава.

Обратимся к тому, что сам Аристотель пишет по этому вопросу: «Из того, что говорится, одно говорится в связи, другое – без связи»²⁰. То, что говорится без связи – это отдельные слова, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает».

Но что же имеет в виду Аристотель, когда говорит о том, что связано? Он использует слово *sumploken*. Это же слово использовал Платон в Софисте, когда чужеземец говорит: «Быть может, ты думаешь так: те, что, будучи произнесены одно за другим, что-то выражают, между собой сочетаются, те же, последовательность которых ничего не обозначает, не сочетаются»²¹. Далее чужеземец говорит, что если мы будем брать существительные, например: «лев», «олень», «лошадь», - и перечислять их одно за другим у нас не получится речи. То же самое и с глаголами: «идет», «бежит», «спит». Речь получается, если сплетаются глагол и существительное. По отдельности же они только называют вещи.

Очень похожую синтаксическую схему описывает и Аристотель в «Об истолковании», когда говорит, что имя и глагол образуют речь. Речь же это то, что говорится в связи. Мы ставим вопрос так, обязательно ли то, что говорится в связи – это предложение из глагола с именем или нет? Как обстоит дело с синтагмой: «белый человек»? Обратимся к четвертой главе «Категорий», где Аристотель пишет, что из сказанного без связи каждое означает одну из категорий. Далее он также добавляет, что «из сказанного без какой-либо связи ничто не является не истинным и не ложным»²². С другой стороны, всякое утверждение оказывается либо истинным, либо ложным. Очевидно выражение «белый человек» не является ни ложным, ни

---

²⁰ Аристотель Категории С.53

²¹ Платон Софист 329

²² Аристотель там же

истинным. Но в нем также использованы две категории. Остается неясным как следует его классифицировать, поскольку в нем нет копулы. Так же можно сделать вывод о том, что без связывания и разъединения не получится, ни истинных, ни ложных высказываний. Таково первичное описание синтаксиса и семантики Аристотеля.

Если рассматривать эти места с позиции традиционной логики, то окажется, что в первом случае мы имели дело с понятием, а во втором – с высказыванием. И лишь высказывания обладают истинностью или ложностью. Но система изложенная, в категориях плохо уместается в такую схему. Теперь вернемся к исследованию Аверроэса, и рассмотрим, что он пишет по указанной теме.

А он пишет следующее: «Из идей, обозначаемых в сказывании, некоторые не содержат в себе связи, и обозначаются сказываниями без связи, как: «конь» и «человек». А некоторые содержат в себе связь и обозначаются сказыванием со связью, как например наши высказывания: «человек животное» и «конь бежит»²³.

Интересно, что параллельное место, которое содержится в пятой главе «Категорий», было отнесено Аверроэсом к первой части комментария, нам это кажется обоснованным, ведь там речь тоже идет о «говорящемся в связи». Но не о самих десяти категориях.

Далее Ибн Рушд пишет: «Он говорит: высказывания без связи, которые обозначают идеи без связи, с необходимостью обозначают одну из десяти вещей: либо сущность, либо количество, либо качество, либо отношение, либо где, либо когда, либо положение, либо обладание, либо действие, либо претерпевание». «Если взять любую одну из этих десяти, она не будет обозначаться утверждением или отрицанием. Если же одни из десяти

---

²³ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.27

сочетаются с другими, то последует утверждение или отрицание, как если бы сказали: «Это есть количество», «Это не есть количество». И когда последует утверждение и отрицание, появятся истинность и ложность. Для (некомбинированных) идей без связи, как когда мы говорим «человек» по отдельности, или «белый» по отдельности, не появятся истинна или ложь. Хотя если их соединить и сказать: «человек бел», для этого высказывания появится возможность быть истинным или быть ложным. Ведь при сочетании следуют обе эти вещи, я имею в виду: утверждение и отрицание, а также истинность и ложность».

5. Сказываемое о подлежащем и находящееся в подлежащем

Далее в тексте идет четырехчастная классификация сущего (*ton onton*), которая опирается на такие технические термины как: «находиться в подлежащем» и «сказываться о подлежащем». Эти термины не встречаются в других работах Аристотеля в таком виде, но смысл такого разделения имплицитно присутствует во многих местах его корпуса. Первая фраза служит для того, чтобы отделить качество и количество, а также другие зависимые категории, от сущностей, которые существуют самостоятельно и независимо. Вторая фраза отграничивает виды и роды от индивидуальных вещей. Таким образом, следующие четыре класса вещей выделяются у Аристотеля: 1. род и вид из категории сущности; 2. индивидуальное из другой категории, чем сущность; 3. роды и виды из другой категории, чем сущность; 4. индивиды, принадлежащие к категории сущности.

Объяснение, которое Аристотель дает тому, что значит «находиться в подлежащем» слишком кратко. Он говорит, что это «то, что не будучи частью, не может существовать отдельно от того в чем оно находится». Он не

определяет «в А» как «неспособное существовать отдельно от А», но как «в А, но не как часть, и неспособное существовать отдельно от того, в чем оно есть».

Требование неотделимости от подлежащего подразумевает, что только индивидуальное, которые не относятся к категории субстанции, может *находиться в подлежащем*. Так Аристотель не скажет, что щедрость находится в Каллии, потому что в мире останется щедрость, даже когда Каллия не станет. Но индивидуальная (конкретная) щедрость, т.е. щедрость Каллия, находится в нем.

Похоже, что такого же мнения по поводу индивидуальных акциденций (привходящий признаков) придерживался и Ибн Рушд в своем истолковании Аристотеля. Он пишет следующее: «Некоторые находятся в подлежащем, но не как его части, и не могут существовать отдельно от подлежащего, также они не могут никаким образом сказываться о подлежащем<...>. Это определенная индивидуальная акциденция, как то: определенная чернота или белизна, которые существуют в определенном теле, поскольку цвет всегда находится в каком-нибудь теле»²⁴.

Третью главу первой части Аверроэс специально посвятил смыслу выражения «сказываться о подлежащем». Аверроэс пишет так: «Когда что-то сказывается о подлежащем, чтобы сделать известным его сущность, и затем, другое сказуемое таким же образом сказывается о том сказуемом, то оно также делает известным сущность подлежащего, которая была раскрыта первым сказуемым. Например, когда «человек» сказывается о Зейде и Амре, он делает их сущность известной. И когда второе сказуемое сказывается о человеке так, что его сущность становится известной, как, например, «животное», с необходимостью следует, что оно делает известной сущность

---

²⁴ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.28

Зейда и Амра, которую ранее уже открыл «человек»²⁵. Стоит отметить тот факт, что и Ибн Рушд и Аристотель занимаются классификацией вещей, а не имен, поэтому подлежащее необходимо понимать не как грамматическое, но как онтологическое как какую-то вещь. Когда мы говорим: «Щедрость – это добродетель», мы не подразумеваем, что щедрость является грамматическим подлежащим этого высказывания. Только «щедрость» является таким грамматическим подлежащим. Так, выражение «сказываться о подлежащем» описывает вещи, но не имена. Оно призвано показать отношения между родом, видом и индивидом.

Вернемся к классификации сущего, у Аверроэса этому посвящена вторая глава первой части. Несмотря на то, что Аристотель пишет, что сущее не является высшим родом, он предпринимает его деление. Вероятно, великий философ не считал, что это вызывает неразрешимые парадоксы. Он перечисляет возможные комбинации вышеупомянутых выражений, их имеется 4 варианта: а. некоторые существующие сказываются о подлежащем и не находятся в нем; б. некоторые находятся в подлежащем и не сказываются о нем; в. некоторые сказываются о подлежащем и находятся в нем; г. некоторые не сказываются и не находятся. Во времена схоластики (начиная с Альберта великого) вещи, которые подходили под описание этих позиции, назывались *антепредикаментами*. Аристотель же не дает им специального названия.

Те, которые сказываются и не находятся, по Ибн Рушду, это «общие сущности», например: животное и человек. Те, которые находятся в подлежащем, это индивидуальные акциденции, например: чернота и белизна. Те, которые сказываются и находятся - это общие акциденции. Те, что не сказываются и не находятся – это обозначенная индивидуальная сущность, например: Зейд и Амр.

---

²⁵ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.29

После данного перечисления Аверроэс приводит выводы в форме правил для *общих акциденции и сущности*, а также для *индивидуальных акциденции и сущности*. Нужно отметить, что данное деление было распространено уже у древних комментаторов, например, у александрийского неоплатоника Элия.

Приведем эти правила: 1. Сущности (общие, индивидуальные) *не находятся в подлежащем*. 2. Акциденции (общие, индивидуальные) *находятся в подлежащем*. 3. Общее (акциденция или сущность) *сказывается о подлежащем*. 4. Индивидуальное (акциденция, сущность) *неказывается о подлежащем*.

6. Видовые отличия

Остался еще один вопрос, который Ибн Рушд изучил в первой части комментария. Это вопрос о *видовых отличиях*. Он пишет, что отличающиеся *роды*, которые друг другу *не подчинены*, обладают разными видовыми отличиями. Хотя видовые отличия родов, один из которых подчинен другому, могут совпадать. Например, пишет Ибн Рушд, «животные» делятся на «обитающих на суше» и «обитающих в воде», также делятся и «способные к питанию». Но «животные» сами подчинены «способным к питанию». Причиной тому служит то, что видовые отличия, на которые делится высший род, без сомнений, сказываются о подчиненном роде. В том случае, когда видовые отличия, на которые делится высший род, не образуют род подчиненный, мы можем разделить этот подчиненный род на такие же видовые различия, как и высший²⁶.

Как мы видим, Аверроэс приводит достаточно тонкие выводы для видовых отличий. Аристотель же в этом месте лишь отмечает без добавления

---

²⁶ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.30

каких-либо ограничений, что «сколько видовых отличий будет у сказуемого, столько же будет иметься и у подлежащего».

Глава III. Анализ второй части комментария

1. Категория сущности

«Аристотель проводит различие между классификацией предикатов по категориям и по типам предикатов (род, вид, собственное отличие, случайное или привходящее отличие). Каждая из этих предикабилей принадлежит «к одной из категорий»²⁷. Наиболее существенной оказывается классификация по категориям. Вторая часть комментария посвящена обоим типам названного деления. Как и первая, начинается она с резюме, в котором сообщается, что она имеет шесть секций. Первые четыре секции разбирают такие категории как: сущность, количество, отношение, качество. Пятая секция посвящена изучению категорий действия, и претерпевания. В шестой секции разбираются остальные категории.

Первая секция, посвященная сущности, имеет четырнадцать глав, в каждой из которых разбирается какая-нибудь проблема. Удобно, что Аверроэс разбил дискуссию о сущности на такое количество глав, потому что так легче обозначить проблемы, а впоследствии так легче отсылать к нужным фрагментам текста. В «Категориях» же проблемы, касающиеся сущности, изложены единым текстом, который не имеет рубрик и подзаголовков.

Аверроэс начинает разговор о сущности с того, что вслед за Аристотелем, различает первую и вторую сущности. Он характеризует *первую сущность*, делает это при помощи четырехчастного деления на антепредикаменты, которое мы описывали в предыдущей главе нашей работы. Он пишет, что *первая сущность* – это *индивидуальная сущность*, т.е. такая, которая не сказывается о подлежащем и не находится в нем. Например, определенный человек или определенный конь.

---

²⁷ Неретина С. Пути к универсалиям С. 123

Обратим внимание на тот способ, которым он определяет *вторую сущность*. Он будет отличаться от изложенного выше, это сопряжено с рядом проблем. Аверроэс не пишет, что *вторая сущность – общая сущность*, т.е. та, что *сказывается, но не находится*. Но он рассуждает так: *вторая сущность – это вид, в котором существуют индивидуальные сущности*, подобно тому, как часть существует в целом. Почему он прибегает к такому сложному и темному рассуждению? Возможно, он не говорит, что *вторые сущности – это общие сущности* из-за того, что *видовые отличия* тоже могут сказываться о подлежащем и не находятся в нем. При этом видовые отличия не являются сущностью. Т.е. не все, что является названным ранее антепредикаментом, является второй *сущностью*. Такая причина кажется нам весьма правдоподобной.

Итак, Аверроэс определяет вторую сущность через род и вид первой сущности. Но далее он говорит так же, что у того, *что говорится о подлежащем*, а именно, у второй сущности, «с необходимостью и имя и определение будут сказываться о подлежащем».

Несомненно, центральное место в онтологии Аристотеля, излагаемой Ибн Рушдом, занимает именно первая сущность, доказательством тому служит четырехчастная классификация сущего, в которой все «завязано» на первых сущностях, или индивидах. «Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как подлежащих. Поэтому если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого»²⁸.

---

²⁸ Аристотель Категории С.56

Первая и вторая сущности отличаются как-то иначе, чем вещи из разных категорий. Ни Аристотель, ни Ибн Рушд не говорят ясно о том к какому типу относится данное различие.

Рассмотрим объяснение того, почему первая сущность называется так в «самом основном, первичном и безусловном смысле»²⁹. Как уже было сказано, первая сущность является подлежащим для всего остального. Подобным образом виды являются подлежащим по отношению к родам. Это означает, что роды сказываются о видах. Если вид является и сказуемым (для первой сущности), и подлежащим (для рода), то сама первая сущность – «которая не говорится ни о каком подлежащем» может быть только лишь подлежащим, быть сказуемым значило бы для нее противоречить своему определению.

Вся остальная часть секции посвящена характеристикам, которые присущи разным парам, например: вторая сущность и привходящий признак, первая сущность и вторая, вторая сущность и видовое отличие и т.д. Как мы можем заметить, эти пары состояются из категории сущности, а также из предикабиллий.

---

²⁹ Аристотель Категории С.55

Глава IV. Анализ третьей части комментария

1. Четыре вида противоземания

Третья часть «Категорий» называется в комментаторской традиции словом *postpraedicamenta*. Эта часть, пожалуй, является самой сложной, потому что требует отличного понимания обеих предыдущих частей трактата. В ней Аристотель приступает к новой классификации, которую он будет использовать и в других своих сочинениях (Тописка II, 8 и V, 6; Метафизика 1054a23, 1055a38, 1057a33). Это классификация типов противоземания.

«Он говорит: имеется четыре типа противоземания: *соотнесенное, противоположное, лишенность и обладание, утверждение и отрицание*. Пример соотнесенного - это двойное и половинное. Пример противоположностей – это зло и благо. Пример лишенности и обладания – это слепота и зрение. Пример для утверждения и отрицания – это, когда ты скажешь: «Зейд сидит», «Зейд не сидит»»³⁰, - пишет Ибн Рушд. Для нашего исследования представляет особый интерес четвертый род противоземания, это утверждение и отрицание, который представляет собой отношение между суждениями, а так же противоположное. Поскольку они выражают не только онтологическую проблематику, но и логическую. Но прежде кратко рассмотрим первые два.

Для разграничения четырех родов противоземания Ибн Рушд использует следующие фразы: «*чтойность одной вещи говорится в отношении к другой*»; «*есть среднее между вещами*». Т.е. образуются четыре пары как и в случае с находящемся в подлежащем и сказываемом о нем. Говорится в отношении другой – есть среднее; не говорится - есть среднее; говорится – нет среднего; не говорится и нет среднего.

---

³⁰ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.73

Разница между соотнесенным и противоположным заключается, согласно Ибн Рушду, в следующем: чтойность одной из соотнесенных вещей говорится в отношении другой, когда как в случае с противоположностями чтойность одной не говорится в отношении другой. Поясним, что чтойность есть то, без чего вещь не может быть этой вещью. Например, «быть образованным» не составляет чтойность человека, чтойность – это то, без чего человек перестал бы быть человеком³¹, например, «разумность».

Пояснить, что значит, что чтойность одной говорится в отношении другой вещи, можно приведя одно место пятой главы третьей секции второй части комментария, где Аверроэс разбирает аристотелевский пример с господином. Он пишет, что в том случае, если раб говорится в отношении господина, мы удалим все, что не является чтойностью его как раба, например, что он человек или двуногий, отношение соотнесения сохранится, но если мы удалим часть его чтойности как раба, а именно, что он – раб господина, то и отношение исчезнет.

Универсальным примером соотнесенного может служить отношения между частью и целым. Здесь уместно вспомнить дистинкции, которые Аристотель приводит в двадцать пятой главе пятой книги *Метафизики*, где речь о части идет в пяти разных смыслах:

1. количественный момент («два в некотором смысле есть часть трех» 1023 b 12-15);
2. мера количества, когда в одном отношении два есть часть трех, в другом отношении – не есть (15-17);
3. качественный момент понятия, например, вид есть часть рода (17-19);
4. то, на что делится или из чего состоит целое (holon), то есть или эйдос или имеющее эйдос, как, например, медь оказывается часть медного шара, как и угол есть часть игровой кости (19-22);

---

³¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики

5. момент определения (часть определения (*logos tes ousias*), например, род есть часть (определения) вида (23-25))³².

Еще один вид противоположания это отношение между лишенностью и обладанием. «Лишенность и обладание существуют в одной и той же вещи»³³, - пишет Аверроэс, при этом, чуждость одной не сказывается в отношении другой. Эта «вещь» служит им подлежащим и принимает свойство, когда это является естественным для нее. Причем, Аверроэс отделяет само свойство от вещи, которая ею обладает, так же он поступает и с лишенностью. Например, зрение – это состояние (свойство), тот же, кто обладает зрением, называется зрячим. Причем, обладающий зрением сам зрением никогда не является. Зачем это понадобилось Аверроэсу? «Дело в том, что способному принимать их не всегда необходимо присуще одно из них: то, чему по природе еще не полагается иметь зрения, не называется ни слепым, ни имеющим зрения; поэтому лишенность и обладание не принадлежат к тем противоположностям, между которыми нет ничего посредине»³⁴.

2. Отношение противоположности, утверждение и отрицание

Прежде чем мы приступим к анализу отношений противоположности, рассмотрим, что же Ибн Рушд говорит по поводу логической семантики, явно прописанных условий истинности у него нет, поэтому соберем воедино, сказанное в разных местах.

Во-первых, что касается синтаксиса, у нас имеется «то, что говорится без связи» и «то, что говорится в связи». «Из идей, обозначаемых в сказывании, некоторые не содержат в себе связи, и обозначаются

---

³² Аристотель *Метафизика* 1023 b

³³ Averroes *Middle Commentaries on Aristotle's Categories and De Interpretatione*. C.75

³⁴ Аристотель *Категории* C.83

сказываниями без связи, как: «конь» и «человек». А некоторые содержат в себе связь и обозначаются сказыванием со связью, как например наши высказывания: «Человек есть животное» и «Конь бежит»³⁵. «То, что говорится без связи» обязательно обозначает одну из десяти категорий. «Когда мы берем одну из этих десяти по отдельности, она не содержит никакого утверждения или отрицания. Когда некоторые из них сочетаются с другими, тогда имеет место истина или ложь, как если мы говорим: «Это есть количество», «Это не есть количество»³⁶. И когда имеется утверждение или отрицание, появляется истина и ложность»³⁷. (Такую речь, сопряженную с утверждением или отрицанием, как мы знаем из «Герменевтики», Аристотель называет высказывающей, она и является предметом логического исследования).

«Так что истинна и ложность в отношении суждения являются некоторым отношением и связью с изменениями в вещах, но не то, что само возникает»³⁸, - пишет Аверроэс. И действительно, сами вещи, и то, что они существуют, имеет большое значение для семантики Аверроэса. Копула в суждении выполняет двойную роль: во-первых, она связывает два термина в высказывании, во-вторых, она указывает на суждение существования. Остановимся на этом более подробно и разберем, что Аверроэс говорит о противоположностях и об утверждении с отрицанием.

«Часто классическую, аристотелевскую логику называют двужначной»³⁹. Отношения между суждениями же иллюстрируются в виде логического квадрата или другой фигуры. Но когда Аверроэс разбирает отношения между противоположными вещами, а так же отношение между утверждением и отрицанием, он разбирает не только лишь отношения между

---

³⁵ *Averroes Middle Commentaries on Aristotle's Categories and De Interpretatione.C.27*

³⁶ Там же С.30

³⁷ Там же С.30

³⁸ Там же С.30

³⁹ *Тоноян Л. Г.* История логического квадрата: связь онтологических оснований и логического следования

логическими высказываниями, но также аналогичные им отношения между онтологическими вещами, т.е. то, что происходит с онтологическим подлежащим. На характеристики подлежащего указывает сказуемое логического высказывания. Приведем следующие высказывания: «Сократ болен» (1); «Сократ здоров» (2); «Сократ не есть больной» (3); «Сократ не есть» (4); «Сократ есть» (5); Также для дальнейшего использования приведем следующие термины: болезнь (6), больной (7), здоровье (8), тело живого существа (10).

В качестве примера противоположных высказываний Ибн Рушд приводит следующие пару: «Сократ болен» и «Сократ здоров. Как мы можем заметить, предуцирующая связка положительная, значит, высказывания являются утвердительными. Далее Ибн Рушд описывая отношение пишет, что когда мы имеем дело с противоположностями, «одна из двух всегда истинна или ложна, только когда субъект, ими характеризуемый, существует. Например, когда мы говорим: «Сократ болен», «Сократ здоров», - одно из этих двух утверждений истинно, а другое ложно только в том случае, когда Сократ существует. Когда он не существует, оба утверждения являются ложными»⁴⁰. Т.е. если высказывание (5) истинно, то истинна строгая дизъюнкция высказываний (1) и (2). Если высказывание (4) истинно, то оба высказывания (1) и (2) ложны. Второй вывод кажется контринтуитивным, ведь, если Сократ не существует, тогда истинно, например, высказывание: «Сократ не есть человек».

Это описание логической стороны дела, но как обстоит дела с онтологией. Ибн Рушд пишет так: «Каждая пара противоположностей существует в одном подлежащем...». Например, здоровье и болезнь существуют теле живого существа. Значит: (6) и (8) находятся в (10) как в подлежащем. Продолжая исследование, Аверроэс пишет, что существует два

---

⁴⁰ *Averroes Middle Commentaries on Aristotle's Categories and De Interpretatione.C.*

вида противоположного: 1. «Противоположности, такие, что подлежащее, которое ими характеризуется, никогда не свободно от одного или другого – это противоположности у которых нет среднего...»⁴¹; 2. Противоположности, которые не с необходимостью присущи подлежащему одновременно. Это значит, что если А и Б *противоположности первого типа*, а В их подлежащее, то В всегда содержит в себе как в подлежащем либо А, либо Б. В качестве примера Аверроэс называет число, которое всегда является четным или нечетным. Если А и Б *противоположности второго типа*, а В их подлежащее, то В всегда содержит в себе как в подлежащем либо А, либо Б. В качестве примера он приводит белизну и черноту в теле. Оба члена противоположностей либо относятся к одному и тому же роду, либо относятся к двум противоположным родам.

Как видно, обе противоположности не обязательно представлены в каком-нибудь подлежащем, например если нет вещи, то нет подлежащего, а значит, противоположности ничем не могут быть приняты. Если ложно высказывание (5), а это базовое суждение существования, это как раз тот случай, когда нет подлежащего для противоречий, а значит, нет возможности для «связывания» внутри вещи, значит, любое утвердительное высказывание, например (1), (2), будет ложным. Здесь мы видим, как онтологические основания являются фундаментом для логики. Вернемся к разбору случаев, если (5) истинно, то одно из двух (1), (2) будет истинно, в зависимости от положения дел, от того, что наличествует в подлежащем.

Теперь давайте рассмотрим последний вид противоземания, в котором говорится о *противолежащем как об утверждении или отрицании*.

Во-первых, Ибн Рушд различает утверждение и утверждаемое. Он пишет: «То, что утверждается или отрицается, не есть утверждение, но идея, обозначенная сказыванием *без связи*, или тем, что обладает такой же силой,

---

⁴¹ Averroes Middle Commentaries on Aristotle's *Categories* and *De Interpretatione*. C.74

как и сказываемое без связи»⁴². Т.е. ничего из подпадающего под суждение не есть высказывающая речь. Подпадающее под суждение противолечит таким же образом, как противолечат утверждение и отрицание. Например, высказывания: «Зейд сидит»; «Зейд не сидит» противолечат так же, как «сидит» противолечит «не сидит». Иными словами, термины, которые находятся на местах сказуемых в высказываниях, которые противолечат как утверждение и отрицание, сами противолечат таким же образом.

«... что касается утвердительных и отрицательных высказываний, то одно из них всегда истинно, а другое всегда ложно вне зависимости от того, существует ли подлежащее или нет», пишет Ибн Рушд. Таким образом, строгая дизъюнкция между высказываниями (1) и (3) будет истинна при любом значении высказывания существования (5). Давайте рассмотрим доказательство. Допустим, что Сократ не существует (4), тогда утвердительное высказывание о нем будет ложно (1), отрицательное высказывание (3) будет истинно в силу истинности базового отрицательного суждения, дизъюнкция (1) и (3) истинна. Допустим, Сократ существует (5), тогда необходима эмпирическая проверка. «Это происходит потому, что причиной истинности и ложности речей оказывается внешнее существование вещи, которая характеризуются одной из двух противоположностей»⁴³.

Итак, семантика, которая излагается в комментарии, оказывается довольно жесткой, как мы говорили, истина оказывается тесно связана с существованием, если вещь не существует, то любое отрицательное высказывание о ней будет истинно, а любое утвердительное – ложно. Это сильное требование. Например, операция превращения, в случае с несуществующим субъектом должна быть ограничена. Допустим, у нас есть истинное высказывание: «Ни один единорог не является счастливым». Оно истинно по той причине, что субъект оказывается несуществующей вещью.

---

⁴² *Averroes Middle Commentaries on Aristotle's Categories and De Interpretatione. C.76*

⁴³ *Там же С. 82*

Если мы проведем операцию превращения, то мы получим следующее высказывание: «Всякий единорог является не-счастливым», которое будет ложным.

Заключение

В заключении необходимо подвести итог проделанному исследованию и оценить полученные результаты.

Можно предложить следующую оценку и характеристику выполненной нами работе в соответствии с главами исследования:

В первой главе мы рассмотрели историю корпуса сочинений Аристотеля, упомянув многих философов, которые сформировали комментаторскую традицию, на вершине которой находится Ибн Рушд. Также в этой главе мы представили биографию Аверроэса. Благодаря проделанной исторической работе мы выяснили те задачи, которые стояли перед Аверроэсом, когда он задумывал свои комментарии. Ответ на вопрос о том, что представлял собой корпус текстов Аристотеля, во многом определил существо комментаторской работы, проделанной Аверроэсом.

Во второй главе мы проанализировали структуру комментария. Она оказалась другой, нежели у того текста «Категорий», который дошел до нас. У такой структуры оказались свои преимущества и недостатки. Так, Ибн Рушд соединил части, которые по своему содержанию должны идти вместе, и последовательно изложил то, что было разрозненно в «Категориях». Неясным осталось, почему дискуссию об обладании Ибн Рушд обособленно расположил в самом конце своего комментария.

Много вопросов вызвал формат работы Аверроэса. Так, он не является кратким изложением, но не является и развернутым комментарием, поэтому сложно отделить то, что говорил Комментатор от того, что было сказано философом. В то же время, позиция ретранслятора мудрости, которую занял Аверроэс по отношению к тексту Аристотеля, удерживает его от объяснения многих вопросов, например: что такое категории? Какое значение имеет разделение на сущность и 9 акциденций? В то же время Аверроэс проявляет себя как исключительно верный истолкователь Аристотеля: он не стремился включить в комментарий свои собственные идеи.

Также во второй главе мы уделили значительное внимание исследованию омонимов, синонимов, паронимов, установили, что они носят «онтический» характер. Правильное их понимание исключительно важно для изучения дальнейшего текста «Категорий».

В третьей главе мы изучали вопросы классификации. В ней мы представили, как именно Аверроэс проводит дистрикцию между первой и второй сущностями при помощи предикабилей (рода и вида). Также мы сделали вывод о том, что первая сущность занимает исключительное место в онтологии, представленной Ибн Рушдом.

Четвертую главу мы посвятили изучению различных видов противоположания и выяснили основания этого четырехчастного деления. Также описали семантику, излагаемую Ибн Рушдом, параллельно разбираясь в соответствующей онтологической проблематикой. Нами было отмечено, что условия истинности простых суждений имеют онтологические основания, укорененные в философии Аристотеля. Так, истина оказалась тесно связанной с существованием, что и послужило причиной для столь жесткой семантики. В отношении несуществующих вещей фундаментальные логические законы не действуют, например, закон тождества не работает в случае с несуществующим субъектом. Это исключает из универсума научного рассмотрения многие вещи.

Таким образом, мы выполнили поставленные задачи и рассмотрели логическую семантику, представленную в трактате, что и было целью нашего исследования.

Список использованной литературы

1. *Averroes Middle Commentaries on Aristotle's Categories and De Interpretatione.* – South Bend, Indiana, 1998.
2. *Аверроэс Опровержение опровержения* - СПб., 1999.
3. *Сагадеев А. В. Ибн-Рушд (Аверроэс).* – М., 1973.
4. *Аристотель Сочинения в 4-х т., Т 2.* – М., 1978.
5. *Аристотель Сочинения в 4-х т., Т 1* – М., 1976.
6. *Aristotle Categories and De Interpretatione.* - Oxford., 2002.
7. *Аристотель Категории на греческом и русском языке* - СПб., 1859.
8. *Averroes' Three Short Commentaries on Aristotle's "Topics," "Rhetoric," and "Poetics* – Albany., 1977.
9. Biography of Averroes // <http://www.iep.utm.edu/ibnrushd/> 03.04.2016.
10. *Тоноян Л. Г. Логика и теология Боэция.* - СПб., 2013.
11. *Тоноян Л. Г. История логического квадрата: связь онтологических оснований и логического следования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина №4.* 2011.
12. *Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии.* – М., 1979.
13. *Боэций Комментарий к «Категориям» Аристотеля // Антология средневековой мысли. Соч. в 2 т. Т 1.* - СПб., 2001.
14. *Allan Bäck Avicenna the Commentator // Medieval Commentaries on Aristotle's Categories*
15. *Стяжкин Н. И. Формирование математической логики.* – М., 1967.
16. *Allexandru Surdu Interpretation of the first two chapters from Aristotle's Categoriae*
17. Aristotle's Categories // <http://plato.stanford.edu/entries/aristotle-categories/>
18. *Зубов В. П. Аристотель Человек. Наука. Судьба наследия.* – М., 2000.
19. *Saloua Chatti Logical Oppositions in Arabic Logic: Avicenna and Averroes // Around and Beyond the Square of Opposition* – 2012.

20. *Неретина С.* Пути к универсалиям – СПб., 2006.
21. *Страбон* География. - М., - 1964.
22. *Плутарх* Сравнительные жизнеописания., М., 1994.
23. *Majid Fakhry Averroes.* His Life, Works and Influence. - Oxford., 2001.
24. *Давид Анахт* Сочинения – М., 1975.
25. *Аль-Фараби* Философские трактаты. - Алма-Ата.,1972.
26. *Бертран Рассел* Человеческое познание, его сферы и границы. Логические слова и ложь – К., 1997.
27. *Платон* Софист //Сочинения в четырех томах. Т. 2, - СПб., 2007.
28. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика // История античной эстетики, т. IV М., 1975.